

Ж. М. Аубакир

кандидат филологических наук, доцент

Ф. А. Гайнуллина

кандидат филологических наук, доцент

Семипалатинский университет им. М. О. Ауэзова

Казахстан

ТВОРЧЕСТВО ШАКАРИМА КУДАЙБЕРДИЕВА И ДУХОВНОЕ БЫТИЕ НАРОДА

Творческое наследие казахских поэтов начала XX столетия – своеобразный «золотой век» в развитии литературы и национальной духовности. Сегодня все активнее раскрываются «белые пятна» истории. С благодарностью и радостью мы воспринимаем «возвращенные» имена. К именам «возвращенцев» казахской литературы относится и Шакарим Кудайбердиев, чье 150-летие будет широко отмечаться под эгидой ЮНЕСКО в 2008 году как в Республике Казахстан, так и за ее пределами.

Исследование литературного процесса начала XX века, разумеется, требует выяснения вопроса, касающегося особенностей и закономерностей казахской литературы этого периода. Известно, что включение в литературный процесс реабилитированных писателей – **Шакарима Кудайбердиева**, Мыржақыпа Дулатова, Ахмета Байтурсынова, Мағжана Жумабаева, Жусипбека Аймауытова и др., творчество которых целиком или частично относится к рассматриваемому периоду, существенно меняет прежние представления о казахском литературном процессе, вызывает необходимость по-новому осмыслить проблему преемственности в казахской литературе.

Рассматривая казахскую литературу XX века как единый, цельный художественный мир, нельзя не заметить того огромного места, которое в нем занимает творчество Шакарима. В большей степени это связано с новым пониманием роли литературы и назначения художника в обществе.

В статье «Поэты послеабаевской поры», опубликованной в 1918 году в пятом номере журнала «Абай» (авторы – М. Ауэзов и Ж. Аймауытов: – А. Ж, Г. Ф.), были четко обозначены причины роста писательского отряда и литературы вообще. Так, по мнению авторов, этот рост «связан с пробуждением национального самосознания. Основа же этого пробуждения усматривается в трех факторах: деятельность Абая, выпуск газеты «Казах» и духовное развитие народа, повернувшегося лицом к науке и образованию» [1].

Далее мы знакомимся с оценкой авторов статьи художественных форм казахского поэтического искусства и поисков литературного кредо: «Группа поэтов, таких, как М. Жумабаев, М. Дулатов, С. Торайгыров и А. Маметов, увлечены миром чувств. Это – лирические поэты. Другая группа – А. Байтурсынов, С. Донентаев, **Шакарим**, Б. Утетлеуов – поэты-«народники». Поэзия второй группы художников оказывается более понятной и доступной простому народу...» [1].

Шакарим своим творчеством явил мастерское решение проблемы традиции и новаторства. Казахская литература, как известно, в своем становлении и развитии опиралась на фольклор, творчество акынов, а также на художественный опыт Востока и Запада. Эти начала также питали поэзию Шакарима.

Шакарима смело можно назвать летописцем своей эпохи, а его творчество – энциклопедией народной жизни, так как его реалистическое перо правдиво отобразило почти вековой период в судьбе казахского народа. Девиз его творчества – восхождение народа к прогрессу. Его деятельность на ниве науки и поэтического искусства воплотила в себе жизнь и духовное бытие народа; духовные ценности, сотворенные народом, вознесли его на уровень самого передового деятеля культуры после смерти Абая. Известный казахский писатель С. Муканов, исследуя народные корни творчества Абая, писал: «...без казахского устного народного творчества, без Бухара – жырау, Махамбета, Шортанбая не было бы и самого Абая. Неиссякаемым родником был не Абай, а народ, породивший его...» [2, 153–154]. То же самое мы могли бы сказать и о Шакариме.

Являясь одним из талантливых учеников Абая, Шакарим сумел сполна донести до народных масс и читательской аудитории основные положения художественной концепции великого поэта. В опубликованной в 1934 году статье «Поэтическое окружение Абая», увидевшей свет в журнале «Адебиет майданы» («Литературная арена»), Мухтар Ауэзов решительно обозначил конкретные имена учеников поэта: «Таких учеников – четверо. Двое из них – Акылбай и Мағауия – сыновья поэта. Оба они умерли в 1904 году – в год смерти отца. Другие два поэта – Кокбай и Шакарим. Именно названные четыре поэта максимально приблизились к глубинной сути абаевской поэзии» [3].

Мировоззрение Шакарима было противоречивым и сложным, в нем переплелись гуманизм и просветительство, религиозность и романтика высоких идеалов, аскетизм и религиозный морализм, высокая нравственность и философское мировидение. Размышления о ценностях человеческих страстей глубоки и полны скептицизма:

*Явился в мир ты голышом,
Уходишь – в рубище одет.
За счастьем ты спешишь бегом,
Как знать: догонишь или нет?
Добра ты сколько б не скопил,
Оставил все. То сон пустой.
Добро скопив, лишь им ты жил,
Но не возьмешь его с собой.
Друзей не счесть, унижен враг,
Ты все обрел, чего хотел.
Ведь это счастье как – никак,
Завидный, может быть удел.
Не счесть богатства твоего,
О чем тебе еще мечтать?
Но толк какой? Ведь ничего
С собой не сможешь ты забрать.
Коварен мир. Он как поток,
А мы – соломинки. Мы с ним
Летим, куда укажет рок,
И наш полет не удержишь... [4, 298–299].*

В поэтическом творчестве Шакарима немало примеров романтического и реалистического воссоздания бытия и окружающей действительности. Поэт – тонкий знаток человеческой души. В привычном художник умеет уловить необычное и своеобразное. У него есть свои симпатии и антипатии. Он восхваляет в человеке честность, правдивость. А лгунов и хитрецов презирает. В своих произведениях поэт размышлял как о мироздании и Вселенной, так и о месте и назначении человека на земле. Он писал о вечном противоборстве добра и зла, о правде и лжи, о разуме и сердце:

*Если, думая о людях, ты решишь, какой в том толк:
Этот, как лиса завистлив, этот злобен, словно волк.
Вот каков мир непонятный, мир насилья, мир вражды,
Стало быть, исчезла жалость, сострадание и долг?
Может быть, таких понятий вообще нет на земле?
То, что есть они на свете, значит, гнали вам и мне?
Внешне выглядит пристойно образованный народ
До тех пор, пока тобою не изучен он вполне... [4, 305].*

Движимый жаждой познания, после мучительных и кропотливых поисков Шакарим Кудайбердыулы пришел к пониманию того, что «основой для хорошей жизни должны стать честный труд, совестливый разум, искреннее сердце». По мнению Шакарима, смысл и нравственное совершенствование человека сводятся к следующему: «Человеческую скромность, справедливость, доброту в их единстве я называю мусульманским словом уждан, русским – совесть. Уждан – совесть. Что это такое? Кто ее создает? Некоторые, отвечая, говорят, что это – человечность, честь. По-моему, это все равно, что говорить о совести» [5, 71]. Именно из совестной глубины рождается человеческое достоинство, проявляющееся внешне как честь, которая и определяет нравственные границы поведения.

В свое время древнегреческий философ Демокрит, живший на рубеже V и IV веков до н. э., не знал специального слова «совесть». Но он требовал нового понимания постыдного: «Не говори и не делай ничего дурного, даже если ты наедине с собой. Учись гораздо более стыдиться самого себя, чем других... Должно стыдиться самого себя столько же, сколько других, и одинаково не делать дурного, останется ли оно никому

неизвестным или о нем узнают все... Но наиболее должно стыдиться самого себя, и в каждой душе должен быть начертан закон: не делай ничего непристойного...» [6, 158]. Как видно, это было осмыслено исторически довольно рано.

Шакарим осознавал, что надо жить и трудиться по-новому. Его гуманизм коренился в родном фольклоре и восточной литературе, которая ему была близка с ранних лет. По воспоминаниям сына поэта, Ахата Кудайбердиева, мать Шакарима – Толебике, хорошо знавшая арабскую грамоту, научила его азам арабского письма. «Уже с малых лет Шакарим знал наизусть все сказочные истории из «1001 ночи», множество стихотворений арабских и персидских поэтов, мог воспроизвести наизусть казахские народные эпосы «Ер-Таргын», «Кыз Жибек», цитировал поэтов древности – Бухара-жырау, Асана Кайгы, Марабая и других. Из его уст я сам не раз слышал отрывки этих произведений...» [7]. О своем приобщении к сокровищнице мировой культуры Шакарим пишет в одном из своих стихотворений:

*Смолоду язык турецкий изучил я не от скуки:
Потому что на турецкий переведены науки.
Я не знал в ученье лени – мне из тьмы сверкнуло солнце,
Стали мне понятны краски, запахи земли и звуки,
Пробудило меня рано поэтическое слово.
Понял я, в чем тайна мира, мироздания основа,
Через лирику Востока... [4, 300]*

Он был последовательным глашатаем и певцом единения народов, видя достоинство личности не в национальной принадлежности, а во вкладе в духовную сокровищницу. Ему равно были дороги и близки Хайям и Пушкин, Гете и Низами, Лермонтов и Толстой, другие корифеи мировой классики. По его убеждению, историей увековечен тот художник, который соединяет в себе патриотизм с любовью и интересом к другим народам.

Когда казахская литература начала XX века стала пополняться новыми именами, Шакарима уже знали как ученого, который в поисках знаний посетил библиотеки различных крупных городов мира, он был известен как автор многогранных произведений, охватывающих различные проблемы своего времени: «Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханов» (Оренбург, 1911), «Зеркало казахов» (Семей, 1912), «Калкаман-Мамыр» (Семей, 1912), «Енлик-Кебек» (Семей, 1912) и др.

Надо отметить, что в произведениях Шакарима, написанных в разных жанрах, широко представлены его художественные пристрастия и эстетические вкусы. Произведения художника обнаруживают его обширный кругозор, начитанность, а внимательное отношение к тексту свидетельствует о его почтительном отношении к Слову.

Поднимаемые Шакаримом философские проблемы широки и многоплановы, носят мировоззренческий характер. Именно на многоплановость творчества поэта и опирались его последователи.

С именем Шакарима связан, таким образом, не только рассвет социально-философской поэзии гражданского мужества, но и жанрово-тематическое, художественное обогащение казахской литературы.

Черпавший силы из недр народной жизни, а также из бессмертных произведений восточной, русской и западной литературы, Шакарим опирался прежде всего на демократические традиции казахского словесного искусства, а исторические обстоятельства начала XX века способствовали тому, что в мировом масштабе начинает складываться особый тип культуры, основанный на единстве мировоззренческих позиций.

Литература

1. Ауэзов, М. О., Аймаутов, Ж. Поэты послебаевской поры // «Абай», 1918. – № 5.
2. Муканов, С. Яркая звезда. – Алматы: Санат, 1995. – С. 272
3. Ауэзов, М. Поэтическое окружение Абая // Эдебиет майданы («Литературная арена»). – 1934.

4. Поэты Казахстана (Вступительная статья, составление, биографические справки и примечания М. М. Магауина). – Л., 1978. – С. 608.
5. Шакарим Кудайбердиев. Три истины. – Алматы, 1991.
6. Материалисты Древней Греции. – М., 1995.
7. Шәкерімұлы А. Менің әкем, халықұлы – Шәкерім. Жұлдыз. – № 11. – 1992.